

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
КОНТАКТЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
А.С.ПУШКИНА И ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

Houria LAOUEDJ

Université d'Alger

ملخص

سنحاول في هذه المقالة أن ندرس المسار الإبداعي لبوشكين ووظيفة المرتكزات المكونة له، التي تشغل في الخفاء وداخل البنيات النصية. وسنبحث كذلك في عملية انتقال الآداب من فضاء إلى فضاء خصوصا وأن القرن التاسع عشر كان قرن التقاطعات الكبرى للآداب الإنسانية المهيمنة بكمها ونوعها. سنبحث في هذا السياق في القنوات التي كانت وراء انتقال الأدب الروسي خصوصا إلى فرنسا وانشغالات بروسبير ميرمي الذي تمنى كثيرا أن يلتقي ببوشكين بدون أن يتمكن من ذلك. فقد ترجم بوشكين من جهته الكثير من قصص ميرمي ونصوصا من الأدب الفرنسي مثل فولتير وبارني وشوني وبلليسون وغيرهم كثير. بالمقابل، نستطيع أن نقول إن اهتمام ميرمي ببوشكين كان كبيرا واستثنائيا. فقد كان معجبا بأدبه كثيرا وانتهى في الأخير إلى ترجمته واضعا يده على كل المكونات الثقافية، ليس الروسية وحدها ولكن كل ما يشكل المرتكزات اللامرئية لأدبه التي تشكل بنيته الأساسية والتي تعطيه تنوعه العميق والداخلي، إذ نجد علامات وآثارا من الثقافة الفرنسية والألمانية والإنجليزية والإيطالية في صلب نصوصه

وربما كان هذا التنوع والقدرة على جمع هذه العناصر المتفرقة من ثقافات عالمية وتولييفها بقوة هي أساس قوة كتابات بوشكين.

وقد اهتمت ترجمات بروسبير مريمي لبوشكين بكل هذه المكونات النصية الداخلية التي تجعل من فعل الترجمة فعلا قريبا من النص الأصلي وشبيها له وإلى روحه إلى حد بعيد. ولهذا فمريمي في هذا السياق ليس فقط ناقلا لمخيل الآخرين ولكنه هو نفسه أديب كبير يملك حساسية ثقافية كبيرة و متميزة و مسافر متمرس ومهتم بالآداب العالمية ومنها طبعاً الأدب الروسي في القرن التاسع عشر الذي ترجم منه الكثير، خصوصا أعمال بوشكين ما بين سنوات 1849 إلى 1870 ك : دام دو بيك، الغجر، طلقة مسدس.

وليس هذا التقارب بين هاتين العبقريتين الإبداعيتين إلا مظهرا صغيرا جعل جزء من أدب القرن التاسع عشر أدبا عظيما يعبر كل الحواجز ويصل إلى قرائه و يفرض إعجابه على المشتغلين به. فمجهودات مريمي وبوشكين ماتزال إلى اليوم شاهدة كعلامة متميزة من علامات التواصل المثمر ما بين الثقافات الإنسانية العظيمة.

В работе на основе анализа творчества А.С. Пушкина и П. Мериме прослеживается процесс становления русско-французских литературных контактов в начале XIX века.

Анализ распространения и восприятия русской литературы за рубежом показывает, что взаимодействие русской литературы с литературой Франции было одной из самых ярких страниц этой истории.

Однако, остановимся более подробно на истории взаимоотношений русской и французской литературы, прежде всего, на истории вопроса проникновения и распространения русской литературы во Франции.

Самые ранние сведения о русской литературе, появившиеся в Германии, Англии и Франции, относятся к эпохе Просвещения. Это было обусловлено теми событиями, которые происходили в России в результате петровских реформ. Как писал Пушкин: "Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, - при стуке топора и при громе пушек" (Пушкин 1949, с. 269).

В трудах многих зарубежных философов той эпохи, таких, как Лейбниц, Руссо, Дидро, Вольтер, Монтескье, мы находим оценку тем преобразованиям, которые происходили в России.

Первыми русскими писателями, получившими известность в Западной Европе, были Феофан Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Сумароков. Их произведения воспринимались как ростки новой русской культуры, возникшие в результате глубинных перемен, происходивших в России. Если в первой половине XVIII века сведения о русской литературе поступали через хрестоматии, составленные русскими авторами, то во второй его половине появляются и работы иностранных авторов: это были, как правило, путевые заметки или разделы в исторических сочинениях, посвященные России. Среди этих авторов имена капитана Маржерете, Гаспара де Тенда, Гельвеция, д'Аламбера, Дидро, Вольтера, Шаппе д'Отероша и др.

Франции принадлежит особое место в изучении русской литературы за рубежом. Народы Франции и России связывают давние культурные и исторические связи, история изучения русской литературы во Франции насчитывает около двух столетий, в течение которых сложилась французская школа славистики с устойчивыми научными традициями.

Первые попытки систематизации сведений о русской литературе во Франции относятся к XVIII веку. Это прежде всего "Роспись русских книг", выполненная Д.Дидро для своих научных целей (Алексеев 1958: 416-431). Русской литературе посвящены и специальные разделы в четвертом и пятом томах "Истории России" (1782) П.Ш. Левека (Levesque P.Ch. t. IV, 1782: 535-538; t.V: 331-352), а также обзор в первом томе исторического труда о России Леклерка (1783) (Le Clerc M.-G., t.1, 1783: 51-100) (см. Григорьев 1977).

Победа России в Отечественной войне 1812 года против Наполеона способствовала дальнейшему укреплению международного авторитета страны и значительному росту интереса к русской литературе. Особое внимание уделялось историческим сочинениям: в эти годы в западной Европе стал известен Карамзин. В 1820 году, когда имя Карамзина благодаря его историческим трудам находилось в центре внимания французского читателя, французский литератор и переводчик Шарль Эген опубликовал в "Annales de la littérature et des arts" прозаический перевод "Осени" Карамзина. Большой интерес вызывали также и произведения, запечатлевшие характерные черты национального характера русского народа, например, басни И.А.Крылова.

Еще при жизни Пушкина, в начале 1821 года во французском "Revue encyclopédique" впервые появилось имя поэта со следующим предисловием: "Недавно изданное в Санкт-Петербурге произведение привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в десяти песнях, озаглавленная "Руслан и Людмила". Автору ее, г-ну Пушкину, ... всего 22 года. Поэма основана на народных сказках времен великого князя Владимира; язык ее то энергичный, то грандиозный, но всегда изящный и безупречный, позволяет возлагать на молодого автора самые большие надежды" ("Revue encyclopédique" 1821, t.9: 382).

Характерно и то, что интерес к русской литературе был столь велик, что переводом ее занимались даже литераторы, не знающие русского языка. Например, такой литератор XVIII века, как Дюпре де Сен-Мор, перевел с подстрочника "Ермака" И.И.Дмитриева,

подстрочник же по его просьбе был выполнен самим автором. Отец Пушкина, Сергей Львович Пушкин, передал этому же автору подстрочный перевод отрывка из поэмы “Руслан и Людмила”. Но подобные переводы, как правило, были не слишком удачными. Сравнивая перевод фрагментов “Руслана и Людмилы” с оригиналом, исследователь Корбе отмечал, что переводчик “растворил живость и непринужденность подлинника в тумане элегантно-классической высокопарности; из пенистого, искрящегося пушкинского вина получился лишь пресный лимонад” (Корбе 1963: 203).

В 1826 году французский литератор, владевший русским языком, Жан-Мари Шопен опубликовал стихотворный перевод пушкинского “Бахчисарайского фонтана”, озаглавив его как “Фонтан плача (La fontaine des pleurs), в о л ь н ы й (*разрядка наша - Л.Х.*) перевод с русского. Однако и на этот раз переложение стихов Пушкина было таким же плохим, как и у Дюпре де Сен-Мора (там же, с. 221).

В 1828 году “Mercure du XIX siècle” опубликовал “Кавказского пленника” Пушкина, в том же году творчество Пушкина было представлено в журнале еще раз в большой подборке под заглавием “Литература России” (там же, с. 229).

Во второй половине XIX века, особенно в последней его четверти, появляется целый ряд трудов французских литературоведов, посвященных русской литературе, среди них следует назвать обстоятельный труд французского публициста и критика Мельхиора де Вогюэ “Русский роман” (1886) (De Vogue E.-M. “Le roman russe”). Цель Вогюэ, в отличие от его предшественников, заключалась не в сообщении фактических данных о русских писателях, а в проблемном синтетическом очерке о русской литературе. В русской литературе Вогюэ сумел открыть огромную общечеловеческую культурную ценность. Он подчеркивал, что она враждебна всякому эстетизму и натурализму. До сих пор остаются актуальными и его слова о моральной силе русской литературы. Ключ к объяснению русской литературы Вогюэ искал в “русской душе”. Наиболее интересным и оригинальным проявлением “русской души” в литературе Вогюэ находил художественный реализм русского романа, именно поэтому его главной целью стало выяснение места и значения русского романа в мировой литературе.

В дальнейшем усилению внимания французского литературоведения к русской литературе способствовали международные события: в 1891-93 годах оформился франко-русский союз.

Активно содействовал изучению русской литературы во Франции видный историк и литературовед Эмиль Оман (1859-1942), в 1902 году он возглавил новый южный центр французской русистики - кафедру русского языка и литературы в парижском университете. Оман - автор исследования "Французская культура в России" (1910) (Naumant E.L. 1910). Оман является и автором первой французской монографии о Пушкине. Эта работа была во многом подготовлена успехом русского романа во Франции. Что касается знакомства французского читателя с русской классической поэзией, то из-за отсутствия хороших переводов она по-настоящему до сих пор остается для него малоизвестной.

Но уже в конце XIX века особый интерес к великим русским романистам второй половины века вызвало на Западе и, в частности, во Франции, внимание к истокам русской литературы, в частности, к творчеству Пушкина.

Если в 1886 году "Pushckiniana" В.И.Межова демонстрировала, что "переводной Пушкин показан в количестве лишь 27 языков и наречий" (Межов 1886), то в 1899 году уже появляется монография П.Д.Драганова "Пятидесятиязычный Пушкин, то есть переводы А.С.Пушкина на 50 языков и наречий мира" (Драганов 1899, с. 634). Но вот что важно: Пушкин вошел в мировое культурное сознание практически после И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, поэтому неудивительно, что он воспринимался не столько как великий национальный писатель, сколько как предшественник великих русских писателей.

В плане взаимодействия русской и французской литературы нас прежде всего интересует личность и деятельность классика французской литературы Проспера Мериме, который был одним из самых известных переводчиков А.С. Пушкина на французский язык. В связи с этим интересно сопоставить творческие взгляды французского и русского писателей, что позволит, на наш взгляд, выявить особенности перевода П.Мериме пушкинских текстов на французский язык.

Состояние культурных взаимосвязей народов двух стран в значительной степени зависит от культурно-исторических связей народов этих стран. Поэтому, обращаясь к исследованию переводческой работы П.Мериме над произведением А.С.Пушкина, нам необходимо хотя бы кратко охарактеризовать те исторические события, которые имели место в тот период и повлияли на развитие изучаемых нами литературных фактов.

Оппозиционно настроенные представители передовой дворянской литературы России начала 20-х годов XIX века ориентировалась, по словам В.М.Жирмунского, не на отсталую Германию, а на передовые буржуазные страны Запада, на Францию и Англию. Пушкин и поэты его круга - воспитанники французской культуры XVIII века, рационалистической и материалистической идеологии французского Просвещения и в то же время французской литературы этой эпохи, осложненной с начала XIX века новыми английскими влияниями. По справедливому замечанию Б.Томашевского, “французская литература являлась той культурной средой, в которой воспитывалось пушкинское поколение” (Томашевский 1960, с. 62). Кумиром русской молодежи того времени был Байрон, хранитель традиций Французской революции, выразивший индивидуалистический протест и разочарование (Нартов 1986, с. 160).

Заметим, что и первое знакомство Пушкина с Байроном, а также В.Скоттом и Шекспиром состоялось на французском языке, на английском же он их уже перечитывал. По-немецки Пушкин читать не любил, во французских переводах он познакомился со Шлегелем, а позднее - с Гофманом, Гейне, Жан-Полем и сказочниками - братьями Гримм. На французском он читал также и итальянских авторов, например, роман “Обрученные” Мандзони, хотя итальянцы были доступны ему и в подлиннике. Античные и восточные авторы были известны Пушкину тоже преимущественно во французских переводах. Например, с текстом Корана он ознакомился в переводе французского востоковеда XVIII века К.-Э.Савари.

Наиболее характерным является факт перевода Пушкиным сборника П.Мериме “Гюзла, или Избранные произведения иллирийской поэзии” (“La Guzla”). Это свидетельствует о том, что даже славянскую

поэзию Пушкин считал возможным брать во французских переводах. Сама атмосфера, в которой воспитывался Пушкин, подталкивала его к близкому знакомству с французской интеллектуальной жизнью. В доме его отца была большая библиотека французской классики. Уже в юности Пушкин познакомился с работами таких выдающихся умов, как Сен-Симон, Фурье, Тьерри, Гизо, Минье и др.

Интерес Пушкина к Франции еще более усиливался после 1830 года, после событий Июльской революции. Заметную часть пушкинского наследия составляют и стихотворные переводы, среди которых большая часть выполнена с французского языка. Из французских авторов по количеству переводов первое место занимают Вольтер, Парни и Шенье. За немногими исключениями (Маро, Пелиссон, Арно, Мериме, Дешан), Пушкин переводил поэтов XVIII века (Томашевский 1960, сс. 71-76).

Интерес Пушкина к зарубежной литературе позволяет утверждать, что в процессе своего творчества он учитывал опыт не только русской, но и всей мировой литературы, творчески переосмысливая и продолжая его.

Это, по мнению И.М.Нусинова, сказалось на произведениях, выросших из русского прошлого, и на произведениях, основанных на материалах современной поэту действительности, и на произведениях, навеянных образами мировой литературы ("Скупой рыцарь", "Каменный гость", "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы" и др.) (Нусинов 1941, с. 19-20). Для целей нашего дальнейшего исследования важно отметить, что для западных писателей романтического направления, материал из жизни другого народа представлял, прежде всего, экзотический интерес. Эти экзотические миры, по словам Бялокозовича, служили им убежищем от насущных проблем современности. Пушкина тоже увлекали экзотические страны, мы находим в его творчестве и магометанский Восток, и египетские ночи, и пустыни Африки, и персидские мотивы, и средневековых рыцарей, и средневековую Германию, и образы Испании. Однако Пушкин настолько проникается самим материалом, что "он становится ему близким и родным, переживаемым душою и непосредственно осязаемым, в чем проявляется свойство истинного гения" (Бялокозович 1994, с. 160). Другой

характерной особенностью Пушкина является то, что пушкинские герои, заимствованные у других культур и народов разных эпох - от старика цыгана до Фауста, от средневекового рыцаря до Моцарта - несут на себе печать сегодняшнего дня, потому что они выражают насущнейшие проблемы всего человечества. Эта всеохватность пушкинского художественного мышления есть результат особого видения мира, благодаря которому русская история и культура становятся неотъемлемой частью мировой истории и культуры.

История переводов Пушкина во Франции неразрывно связана с именем выдающегося французского писателя Проспера Мериме. С конца 40-х годов XIX века и затем на протяжении двух последующих десятилетий он оставался самым замечательным пропагандистом русской литературы во Франции. Он изучал Россию всесторонне. Этому немало способствовали его многочисленные русские знакомства. Его учителем русского языка был друг Пушкина С.А.Соболевский. Мериме был также близко знаком с И.С.Тургеневым. Благодаря переводам пушкинских произведений (“Пиковая дама”, “Цыганы”, “Выстрел”, “Анчар” и др.), Мериме считают первооткрывателем творчества русского поэта во Франции.

В литературоведении П. Мериме считают создателем жанра новеллы, благодаря которому Мериме сохранил свое место в большой литературе как один из значительных французских писателей-романтиков.

Интерес к русской литературе и культуре возник у Мериме уже в двадцатые годы. Со времени своего сближения со Стендалем Мериме немало слышал от него о России, о походе 1812 года, о Бородинской битве, о Москве.

Великий образ свободолюбивого народа, гордо отстоявшего свою национальную независимость в 1812 году и заявившего о своих благородных освободительных стремлениях в декабре 1825 года, все более привлекал внимание Мериме. В период Реставрации Мериме посещал многие светские салоны и литературные кружки, где завел обширные знакомства и дружеские связи с представителями просвещенных кругов русского общества, русскими писателями: А.И.Герценом, А.И.Тургеневым, С.А.Соболевским, Е.А.Баратынским, И.С.Тургеневым и др. Под их влиянием Мериме начинает изучать русский язык, что

дает ему возможность изучать русскую литературу не только по французским переводам, но и в подлиннике. Он читает Державина, Крылова, Жуковского, Карамзина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя. Один из его друзей - С.А.Соболевский пробуждает в Мериме интерес к Пушкину, творчество которого впоследствии он изучал на протяжении сорока лет (Кирнозе, 1987, сс. 5-6).

По свидетельству И.С.Тургенева, Мериме питал искреннюю и сердечную привязанность к русскому народу и ко всему русскому быту, благоговел перед Пушкиным, глубоко и верно понимал красоту его поэзии.

Литературные контакты Пушкина и Мериме начались в 1827 году, когда Мериме опубликовал сборник "иллирийских" баллад "Гюзла", а Пушкин переложил на русский язык "страшные сии песни".

История и литература России заняли значительное место в деятельности Мериме. С 1849 по 1870 год он опубликовал 27 произведений, имеющих отношение к России, из них - 13 переводов. В статьях и письмах того времени он часто упоминает имена русских писателей, дает оценку русской литературе, высказывается о русском классическом реализме.

По меткому выражению Поля де Сен-Виктора, "почти на четверть века - с 1848 года и до самой своей смерти - П.Мериме литературно эмигрировал в Россию и там обосновался" (Paul de Saint-Victor, 1872, с. 147).

"Я читаю по-русски с большим трудом, но глубоко вдохновлен вашим языком, - пишет он в письме к Леонтьеву. - Это единственный язык теперь в России, который еще годен для поэзии. Легкость, с которой одним словом можно выразить столько различных оттенков, которых в другом языке не сумеешь передать и длинной перифразой, имеет свои преимущества для романа, но имеет также и свои неудобства. Легко увлечься описанием и затеряться в мелких подробностях. По-моему, большое достоинство Пушкина именно в том, что он сумел противостоять этому искушению. Владея чудесным инструментом и умея восхитительно на нем играть, он все же никогда не разменивался на вариации, но всегда искал настоящую мелодию. В этом его преимущество перед Байроном" (Мериме 1963, т. VI, с. 252).

При всем восхищении русской литературой взгляды Мериме остаются трезвыми и критическими. В январе 1868 года в газете “Монитор Универсаль” была опубликована статья Мериме “Александр Пушкин”. Исключительную ценность представляют и замечания Мериме о русской литературе и о Пушкине, являющиеся кратким изложением основных положений, развитых затем в вышеназванной статье “Александр Пушкин”. Мериме восхищает поэтика русского языка. Он определяет его как “богатый, звучный, живой, ... наделенный почти безграничной творческой мощью, ... гибкий и гармоничный” (Там же, с. 246). Отмечая особое место Пушкина в русской литературе, Мериме дает высокую оценку пушкинскому лаконизму, столь характерному и для него самого.

“Никто, кроме Пушкина, не умеет рассказывать так остроумно, никто так искусно не соединяет смелую и честную сатиру с верными и тонкими наблюдениями нравов и характеров, никто, наконец, не касается с большой осторожностью тем, которые под менее умелым пером привели бы в ужас даже не особенно пугливых читателей” (Там же, с. 254).

И хотя многие литературоведы, такие как А.Михайлов, Б.Томашевский, И.Нусинов, считают, что Мериме слишком преувеличивает влияние западноевропейских авторов на Пушкина, тем не менее, в статье важнее общая верная оценка творчества А.С.Пушкина, которого Мериме ставит выше всех европейских писателей.

О переводах П.Мериме из А.С.Пушкина существуют самые разноречивые мнения. Различные оценки его творческих работ высказывались с момента их появления и высказываются до сих пор: “...переводить таким образом непозволительно ... Проспер Мериме совсем не знает по-русски” Перевод Мериме “вполне достоин автора «Кармен» и обнаруживает “глубокое и основательное знание русского языка” (Северная пчела, 1849, №24). Это - свидетельства прошлого века. И в наше время Мериме порой упрекают в плохом знании русского языка и недостаточно внимательном прочтении пушкинского текста.

Для выяснения этого вопроса обратимся к историческим свидетельствам. “Уроки русского языка П.Мериме давали русский консул в Париже К.К.Лабенский и В.И.Дубенская-Лагрене. Наиболее

интенсивные занятия приходится на 40-е годы. Постоянные контакты с русскими писателями и культурными деятелями, о которых мы упомянули выше, чтение книг и работа над переводами должны были бы поддерживать достаточно высокий уровень владения русским языком. Однако, судя по отдельным фразам в письмах Мериме, его русский язык был далек от совершенства и изобилдовал многочисленными грамматическими ошибками. С другой стороны, не следует недооценивать и того факта, что Мериме читал по-русски, а, главное, очень серьезно относился к переводческой деятельности. Кроме того, он имел возможность постоянно консультироваться с русскими писателями: на ошибки в переводе "Пиковой дамы" ему указал А.С.Пушкин, а с И.С.Тургеневым они занимались переводами совместно" (Кирнозе 1987, с. 9-10).

И.С.Тургенев оказывал ему большую помощь. Он помогал П.Мериме читать русские тексты, объясняя перевод "Мцыри" Лермонтова. Благодаря ему Мериме смог разобраться в украинизмах, встречающихся у Н.И.Костомарова (Merimee P. Sobolevski 1863). Мериме написал предисловие к переводам И.С.Тургенева, причем Тургенев сам их корректировал (Trahard P. 1929, с. 34).

Сближение имен двух писателей - не претендующее на определение ни соразмерности их творчества, ни их вклада в мировую культуру, ни опущенной им доли посмертной славы - позволяет с особой ясностью увидеть время, в которое они творили и которое продолжает жить в их произведениях и отзывается в сегодняшнем дне (Кирнозе, 1987, с. 6).

В творчестве Пушкина и его современников Мериме привлекает высокая гражданственность, смелость и прямота в постановке важных вопросов русской жизни, прекрасное владение словом.

В своих письмах к К.Н.Леонтьеву (1867) Мериме делится мыслями о мастерстве писателя, о задачах литературы, о русском критическом реализме. Он считает, что писатель обязан глубоко познавать человеческие характеры и правдиво их описывать, избегая при этом приземленного натурализма (Мериме, 1963. т. VI, с. 254).

В статье А.Чебышева "Проспер Мериме" дан краткий обзор писем П.Мериме, из которых видно, какие затруднения испытывал французский писатель при изучении русского языка и русской

литературы. На основании анализа некоторых писем П.Мериме и его переводов произведений А.С.Пушкина, А.Чебышев показывает, что французский писатель знал русский язык недостаточно хорошо. Однако он видит заслугу П.Мериме в том, что тот сумел привить своим читателям интерес к русскому языку и русской литературе и что его работа в этом направлении не была бесплодной, несмотря на многие недостатки (Мартынова, 1960, с. 4).

А.С.Пушкин и П.Мериме, несмотря на несоизмеримость масштабов, имеют много общего. Оба они прошли путь от романтизма к реализму. Их личное знакомство так и не состоялось, но они прекрасно знали друг друга по произведениям, давали друг другу взаимно высокую оценку; в письмах к друзьям Пушкин неоднократно высказывал свое желание побеседовать с Мериме.

Пушкин и Мериме не раз обращались к одним и тем же сюжетам и, хотя и писали они на разных языках, многие исследователи отмечают сходство их стиля, близость их творческой манеры.

Попытаемся проанализировать вопрос о том, что сближало и отличало этих людей? Мериме начал свою жизнь в дни заката наполеоновской империи, когда революция стала далеким воспоминанием. Он вошел в литературную среду и стал писателем в эпоху Реставрации, когда глубочайшее разочарование и пессимизм широко охватили европейскую интеллигенцию (Нусинов, 1959, с. 371). Пушкин же, напротив, жил в "предрасветных сумерках", когда устои Российской империи постепенно расшатывались декабристами, всколыхнувшими движение за свободу. Не этим ли фактом объясняется высокая гражданственность Пушкина и соглашательская позиция Мериме? "... Мериме - гражданин, Мериме - сын своего общества, всегда находил себе место среди умеренных", - пишет И.М.Нусинов (там же, с. 371). Социально-политические коллизии не нашли прямого отображения в творчестве Мериме 30-60-х годов. Возможно, поэтому Мериме так привлекало свободомыслие русских писателей. Мериме, как и Пушкин, всегда был враждебен всякой реакции, но его разочарование в результатах революции стало, как отмечает И.М.Нусинов, "источником его цинизма, его скепсиса, его бегства от идеала при внутренней тоске по идеалу" (там же, с. 370). Этот

внутренний разлад отразился даже на внешнем облике писателя. И.С.Тургенев в своем письме дает любопытную характеристику Мериме: "Я познакомился с многочисленными литераторами, в особенности с Мериме. Он походит на свои произведения: холодный, тонкий, сдержанный, он владеет в высокой степени чувством прекрасного и меры. Но у него недостает совершенно, - я не сказал бы веры, - но даже энтузиазма".

Близость Мериме и Пушкина сказывается в обращении обоих авторов к историческому материалу. С 1822 года (драма "Кромвель") Мериме непрерывно обращается к истории ("Театр Клары Газуль", "Гюзла", "Жакерия", "Хроника времен Карла IX"), вырабатывая концепцию исторического развития и его отображения в литературе. Кроме того, Мериме пишет ряд научных исследований: "Генрих Гиз" (1835), "Этюды по римской истории" (1844), "История Дон Педро I, короля Кастилии" (1848), "Конституция Солона" (1848), "Пелопонесская война" (1849), "Борьба Афин со Спартой" (1850), "Процесс Сократа" (1850)".

З.И.Кирнозе обращает внимание на взаимосвязь интереса Пушкина и Мериме к истории. "Чтение Карамзина наталкивает Пушкина на идею "Бориса Годунова". Чтение "Бориса Годунова" укрепляет у Мериме, по его собственному признанию, интерес к истории. В 1852 году появляется его исторический очерк "Лжедимитрий" (*Les Faux Demetrius*). Пушкин называет Степана Разина самым поэтическим персонажем русской истории и посвящает ему песни. Мериме в 1864 году публикует "Бунт Стеньки Разина". И, наконец, особое место в их творчестве занимает тема Петра I (Кирнозе 1987, с. 24).

П.Мериме в "Жакерии" и Пушкин в "Борисе Годунове" и "Истории пугачевского бунта" исследуют причины народных мятежей, открывают трагедию народного бунта, признавая его нравственную правоту. Мериме дает высокую оценку творчеству Пушкина, сравнивая "Бориса Годунова" с драмами Шекспира.

Известно, какой интерес и Пушкин, и Мериме проявляли к анекдоту. Но они не ограничивались в сюжете анекдотом и не шли по пути его расширения, перемещая его, по словам В.В.Виноградова, из бытовой сферы в философскую (Виноградов 1980, с. 187). Продолжая

мысль В.В.Виноградова, З.И.Кирнозе пишет: “Разумеется, наивно устанавливать родство Мериме с Пушкиным через похожие сюжеты. Но сквозь сходные принципы сюжетосложения проглядывается - пусть даже и не полная - близость их философии бытия, признание жизни игрой, ставкой в которой является любовь, счастье, собственно жизнь” (Кирнозе 1987, с. 18). Сходство прозы Мериме и Пушкина проявляется не только в сфере сюжетосложения. Еще заметнее оно в функционировании авторского слова. “С одной стороны, - пишет Монго, - одинаковое предпочтение сюжетов, причудливых, порой ужасных, одинаковое отношение к изображению натур неистовых, пылких, полностью отдающихся страсти или преступлению, с другой, одинаковое пренебрежение к риторике, склонность к четкости, оголенности, строгости стиля” (там же, сс. 18-19).

Мериме был не первым, кто привлек внимание французов к поэме А.С.Пушкина “Цыганы”. Еще в 1825 году Яков Толстой в “Revue encyclopédique” поместил о ней краткую статью. Появлялись и другие упоминания и переводы в “Избранных произведениях” А.С.Пушкина, изданных в 1846 году в Париже на французском языке “Oeuvres choisies de A.Pouchkine, poète national de la Russie”. Но до сих пор перевод П.Мериме остается наиболее полным и адекватным, отвечающим самому духу пушкинского гения.

Очарованный пушкинской поэмой “Цыганы”, П. Мериме писал: “Только у Пушкина я нахожу эту истинную широту и простоту, удивительную точность вкуса, позволяющую отыскать среди тысячи деталей именно ту, которая способна поразить читателя. В начале поэмы “Цыганы” пяти-шести строк ему достаточно, чтобы показать нам цыганский табор, освещенную костром группу с прирученным медведем. Каждое слово краткого описания высвечивает мысль и оставляет неизгладимое впечатление” (там же, с. 11).

Проспер Мериме перевел «Цыган» прозой в 1852 году и включил в сборник “Новеллы” (Nouvelles). Через два года в “Ревю де Монд”, в статье “Литература в России” Мериме, объясняя причину своего интереса к поэме Пушкина, писал: «... я не знаю произведения более стройного, если только этим можно воспользоваться для похвалы: из этой поэмы нельзя выкинуть ни одного стиха и ни одного слова,

каждое из них имеет свое место и свое назначение, и тем не менее, все дышит совершенной простотой и естественностью; искусство проявляется в полном отсутствии всяких украшений» (там же, с. 11).

“Можно предположить, что в поэме “Цыганы” Мериме привлекает прежде всего *couleur locale* - местный колорит, пристрастие к которому испытывал и молодой Пушкин. Известно, сколь привлекала автора “Кармен” цыганская тема. Однако еще важнее здесь восхищавшее Мериме “высвечивание мысли” кратким описанием - художественный принцип, который французский писатель ставил во главу угла и своего собственного творчества. Мериме сразу улавливает концепцию пушкинских “Цыган” именно потому, что она близка его собственной, и верно передает эту концепцию - при всем несходстве поэмы Пушкина и ее перевода. Примечательно, что, по утверждению П.И.Бирюкова, такому придирчивому судье французских писателей, как Л.Н.Толстой, чтение именно прозаического изложения “Цыган”, сделанного Мериме, “...с особенной силой показало всю силу поэтического гения Пушкина” (там же, с. 12), перед которым Мериме преклонялся.

“По мнению самого Мериме, даже во французском языке нет средств передать эту точность и сжатость поэзии А.С.Пушкина, жизненную правду его произведений, необходимые образы лишь намечены: искусный отбор материала, нужных деталей возбуждает и фиксирует внимание читателя” (Мартьянова 1960, с. 52).

“Вне сомнения, каждый из переводчиков стремится к тому, чтобы творение поэта на другом языке заблистало во всем своем великолепии, что, к сожалению, мало кому удастся. Пушкин и сам высоко ценил труд переводчика, был вдумчивым и чрезвычайно сведущим мастером в этой области. Так, в связи с публикацией в «Телескопе» перевода “Философического письма” П.Я.Чаадаева в 1836 году, он заметил старшему другу: “Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника” (XVI, с. 392). Эта лаконичная оценка выявляет важнейшее, с точки зрения Пушкина, качество перевода, который должен обладать силой художественного воздействия, близкой к подлиннику” (Чельшев, 1991, с. 5).

Ценные соображения по поводу вопроса о переводимости с русского на французский принадлежат писателю Жоржу Мунену. По его мнению, исследование этого вопроса должно или не должно будет считаться с сопоставительной типологией языков, но уже должно будет принимать во внимание и всю историю контактов между этими двумя языками.

Итак, начиная с XVIII века, каждый новый перевод, каждый рассказ о путешествии и само путешествие вносят свою лепту в сближение двух великих культур. Каждый новый контакт помогает осветить последующие, пока, наконец, не достигает апогея популярность Тургенева, Толстого, Достоевского во Франции. Теперь уже миллионы французских читателей были вовлечены в процесс взаимодействия двух культур. Все это содействует уменьшению расхождений в понимании необщих ситуаций (как языковых, так и внеязыковых). Переводы произведений Пушкина Проспером Мериме внесли большой вклад в преодоление этого расхождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М.П., 1984. - Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. - Л., Наука, 1984.
- Бялковозович, 1994. - Бялковозович Б. Ангар. // А.С.Пушкин в современном диалоге культур. Тезисы докладов. VIII Конгресс МАПРЯЛ. - Резинбург -Германия, 22-26 августа, 1994 года.
- Виноградов, 1971. - Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., Высшая школа, 1971.
- Григорьев, 1977. - Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. - Л., Наука, 1977.
- Драгонов, 1899. - Драгонов П.Д. Пятидесятиязычный Пушкин, то есть переводы А.С.Пушкина на 50 языков и наречий мира. - СПб, 1899.
- Кирнозе, 1987. - Мериме - Пушкин. // Сборник. - М., Радуга, 1987.
- Корбе, 1963. - Корбе Ш. Из истории францужско-русских литературных связей в первой трети XIX века // Международные связи русской литературы. Сб. статей под ред. М.П.Алексеева. - М. - Л., АН СССР, 1963.
- Мартьянова, 1960. - Мартьянова Е.П. Об отражении русско-французских культурных связей во французском языке и литературе XIX века. (Но материалам литературных трудов и корреспонденции П.Мериме). - Харьков, Харьковский университет, 1960.
- Межов, 1886. - Межов В.И. Puchkiniana / Библиографический указатель статей о жизни А.С.Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства. - СПб., 1886.
- Мериме, 1963, т. VI. - Мериме Проспер. Собр. Соч. в 6-ти т. / под редакцией НМ.Любимова. - т. 5, 6. - М., 1963.
- Нартов, 1986. - Нартов К.М. Взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур в школьном курсе. - М., Просвещение, 1986.
- Нусинов, 1941. - Нусинов И.М. Пушкин и мировая литература. - М., Сов. писатель, 1941.
- Нусинов, 1959. - Нусинов И.М. Избранные работы по русской и западной литературе. - М., Сов. писатель, 1959.
- Пушкин, 1949. - Пушкин А.С. Полн. Собр. Соч. в 16-ти томах, Т. 11. - М. - Л., 1949.
- Северная Пчела, 1849. - Журнал «Северная пчела». - 1849, № 24.
- Томашевский, 1960. - Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. - Л., Советский писатель, 1960.
- Чельшев, 1991. - Чельшев Е.П. Чудо Пушкина // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. Сборник статей. - М., Наука, 1991.
- Cahen G. Merimée P. *et la Russie* revue d'histoire littéraire de la France juil.-sept., 1921.
- Filon A. Merimée. -Paris, Hachette, 1922..
- Haumant E. *La culture française en Russie*, Paris, Hachette, 1910.
- Jusserandot J. *Pouchkine en France*, Paris, Le Monde Slave. 1918.
- LeClercM.-G.,t.1, 1783, pp. 51-100)

- Levesque P. CH. Histoire de Russie tt. IV-V.-Paris: 1782.
- Melchior De Vogue Poésie russe // Journal de l'université. T. 1 .-Paris: 1909.
- Mérimée P. A.S. Pouchkine. -Paris:Michel Lévy Frères, 1874.
- Mérimée P. Correspondance générale.Etablie et annotée par Parturier.-Paris: Le Divan,1941-1954,12v. .
- Meynieux A. Pouchkine oeuvres complètes, drames, romans, nouvelles. - Paris, André Bonne Editeur, 1953.
- Mirski S.D. Histoire de la littérature russe des origines à nos jours. -Paris: Editions Fayard, 1973.
- Mongault H. Etudes de littérature russe.- Paris: Champion, t.2, 1932.
- Mounin G. : *Les problèmes théoriques de la traduction*. - Paris, Gallimard, 1963,
- Paul de Saint Victor. Barbares et bandits. - Paris: Michel Lévy, 1872.
- Revue encyclopédique,t9,1821.
- TrahardP. P.Mérimée de 1834 à 1853. – Paris, Champion, 1929.